

ИРИНА
МУРАВЬЕВА

АНДЕРСЕН

ЖИЗНЬ КАК СКАЗКА

Покорившие мир

Ирина Муравьева
**Андерсен. Жизнь
великого сказочника**

«Алисторус»

1959

УДК 82
ББК 83

Муравьева И. И.

Андерсен. Жизнь великого сказочника / И. И. Муравьева —
«Алисторус», 1959 — (Покорившие мир)

ISBN 978-5-00222-703-7

Для литературоведа Ирины Игнатьевны Муравьевой (1920-1959) эта книга стала главным делом всей жизни. Ханс Кристиан Андерсен (1805-1875), классик датской литературы, не первый век остается любимым сказочником России. «Огниво», «Снежная королева», «Русалочка», «Стойкий оловянный солдатик», «Дикие лебеди», «Новое платье короля», «Дюймовочка» - эти и многие другие сказки мы помним, перечитываем, передавая любовь к ним из поколения в поколение. Его сказки не только увлекательны: они берут за душу и юных, и взрослых читателей. В жизни писателя было немало приключений и мытарств. Его путь к славе был тернистым. Ирина Муравьева рассказывает о нем в историческом контексте. Перед нами открывается панорама датской и европейской жизни того времени. Это самая мудрая, объективная и в то же время эмоциональная биография великого сказочника. Перед вами - книга о мудром, талантливом и странном человеке, правдивая, но не менее интересная, чем самые лучшие сказки. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82
ББК 83

ISBN 978-5-00222-703-7

© Муравьева И. И., 1959

© Алисторус, 1959

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ирина Муравьева Андерсен

Серия «Покорившие мир»

© Муравьева И.И., 2025

© ООО «Издательство Родина», 2025

Предисловие

Все мы читали историю маленькой Дюймовочки, гадкого утенка, смеялись над голым королем, спесиво выступающим по улицам в своем несуществующем наряде, гордой штопальной иглой, хвастливым щеголем-воротничком.

Вот уже сто лет, как сказки Андерсена странствуют по миру, не теряя своей остроты, свежести и обаяния.

Но далеко не все знают интересную историю их автора, которую он сам называл «сказка моей жизни». В этой сказке было немало горьких страниц. Книга Ирины Игнатьевны Муравьевой рассказывает о том, как сын полунищего сапожника и прачки с невероятным трудом пробивал себе дорогу и завоевывал признание, а став знаменитым писателем, никогда не забывал о жизни чердаков и подвалов, обитатели которых стали положительными героями его сказок.

Письма и дневники Андерсена, его сказки и романы, в которых много автобиографических черт, труды датских исследователей о его жизни помогли автору этой книги увидеть образ знаменитого сказочника. И перед нами рисуется человек чуткий, правдивый и впечатлительный, страстно влюбленный в природу, в поэзию. Он борется за простоту и жизненность в искусстве, он мечтает о счастье для всех людей. Иногда ему случается унывать, путаться в противоречиях, но горячая любовь к жизни, к людям помогает ему пережить тяжелые минуты, снова и снова отдаваться творчеству.

Глава 1

В хвосте кровавой кометы

По вечернему небу раскинула свой пышный хвост комета. Звезды бледнели в ее красноватом свете. В городах и деревнях, на борту кораблей и на проселочных дорогах собирались кучки взволнованных людей и смотрели на небесную гостью, считавшуюся вестницей бед.

Это было в 1811 году.

Волны наполеоновских войн захлестывали Европу, и кровавая слава «маленького капрала» Бонапарта словно воплотилась в зловещем сиянии кометы.

Тяжелое бремя императорских побед нес народ Франции и покоренных ею стран. Огромная армия пожирала деньги и провизию, требовала все нового оружия, еще и еще солдат. Крестьяне и ремесленники отрывались от работы, от родного дома, их одевали в мундиры и отправляли сражаться и умирать за честолюбивые планы императора Наполеона.

Маленькая Дания тщетно старалась сохранить нейтралитет. Уже с 1801 года война подступала к ней.

Ханс Кристиан Андерсен

В отдаленных покоях одного из копенгагенских дворцов доживал свой век старый король Кристиан VII. Он давным-давно сошел с ума, но считалось, что раз уж человек родился королем, то королем и умрет, а если думать иначе, то это ведет к беспорядку. Фактически же странной правил наследный принц Фредерик. Он был упрям и ограничен, не обладал ни политическими, ни военными талантами. При этом ему была присуща глубокая уверенность, что звание принца куда важнее такой случайной вещи, как ум. «Мы одни знаем, что нужно для блага страны», – говорил он и принимал важные решения, не советуясь с подданными: монархи не могут ошибаться. А обстановка в Европе усложнялась с каждым годом, и чтобы успешно лави-

ровать между двумя могущественными противниками – Наполеоном и Англией, – одной самоуверенности было явно недостаточно.

Ханс Кристиан Андерсен

30 марта 1801 года английская эскадра вошла в Зунд, угрожая Копенгагену: Англия требовала, чтобы Дания разорвала договор о нейтралитете с Россией, Швецией и Пруссией. Русский флот был связан льдами, шведский тоже не мог прийти на помощь, а небооруженные датские корабли, стоявшие на рейде, защищала линия понтонов с пятью тысячами войска и шестьюстами пушками. Понтоны были атакованы тридцатью английскими кораблями. Командовавший ими Нельсон располагал девятью тысячами человек и собирался выиграть битву в течение часа. Но это ему не удалось. Через пять часов часть понтонов была взята, но оставшиеся продолжали отчаянно сопротивляться, и от их меткой стрельбы жестоко пострадали многие корабли англичан. Тогда Нельсон решился на крайние меры: он сообщил принцу Фредерiku, что прикажет сжечь понтоны вместе с их защитниками, если датчане не сдадутся. Фредерик счел за лучшее прекратить сражение. Огромная толпа копенгагенцев на берегу с тревогой следила за происходившим. И, несмотря на формальное поражение, битва была воспринята народом как моральная победа, как пример доблестной стойкости и героизма. Датчане долго помнили, как медленно отходили потрепанные английские корабли, потерявшие свой гордый вид.

К 1807 году на южной границе Дании начали скопляться скапливаться войска Наполеона. С моря угрожала Англия. Фредерик чувствовал, что придется в конце концов примкнуть к одной из воюющих сторон, но все не решался сделать выбор. Из колебания его вывел английский министр Каннинг. Зная, что Наполеон собирается силой превратить Данию в свою союзницу, он решил опередить противника и вырвать из его рук главный козырь – датский флот. Пренебрегши уверениями датского посла, что Дания в случае необходимости примкнет к Англии, Каннинг снова послал в Зунд английскую эскадру. 16 августа 1807 года она остановилась в двадцати километрах от Копенгагена. На этот раз было предъявлено требование отдать Англии датский военный флот.

Чтобы оправдать нападение на нейтральную страну, Каннинг утверждал, что всего лишь принимает необходимые меры защиты: если датский флот достанется Наполеону, его пушки будут повернуты против англичан. В утешение Дании предлагались некоторые колонии.

– Чем вы можете вознаградить нас за утрату нашей чести?! – в отчаянии воскликнул Фредерик в ответ на это. Но какое дело было Каннингу до чести датчан? Если согласие не дается добром, его получают силой, решил он. И английские корабли высадили на сушу тридцатитысячное войско. Дания же располагала всего шестью тысячами солдат. Правда, к ним присоединилось тринадцать тысяч резерва и добровольцев. Но принц Фредерик умел блистать только на военных парадах. Необходимые для защиты страны меры не были приняты: укрепления Копенгагена находились в плачевном состоянии, оружия не хватало.

Ханс Кристиан Андерсен

– Ступайте в старые церкви, – сказал Фредерик добровольцам, – и поищите там алебарды, копья и шпаги, которые с честью служили нашим предкам.

Алебарды не помогли: сопротивление датских войск было быстро сломлено. Копенгаген оказался в огненном кольце. Со 2 по 7 сентября город подвергался жестокой бомбардировке. Рушились древние башни, горели дома, гибли люди. На шестой день Фредерик согласился на требования Англии. Теперь он возложил надежды на союз с Наполеоном. «Если император захочет, он вернет нам флот!» – говорили вслед за принцем многие датчане. Из рук в руки переходил рисунок, изображавший отвратительное морское чудовище, выплевывавшее датские корабли под натиском боевого петуха – древнего символа Франции.

Но Наполеон заключил союз с Данией вовсе не для того, чтобы заботиться об ее интересах.

Ему нужно было пушечное мясо – и по всей Дании прошли рекрутские наборы. Датский рынок должен был служить для сбыта изделий французской промышленности. А если все это невыгодно датчанам – тем хуже для них.

Дом в Оденсе, где родился писатель

С детства любимым занятием Фредерика была игра в солдатики. Гордо хмуря белесые брови и вздергивая длинный подбородок, он объезжал на белом коне застывшие ряды новобранцев. Смотры следовали один за другим. А положение в стране ухудшалось с каждым днем. Англичане захватывали датские торговые корабли в портах и на море. Прервано было сообщение с Норвегией, входившей тогда в Датское государство. Гибла цветущая торговля – главный источник доходов страны. Старые почтенные фирмы разорялись, лавки пустовали, деньги обесценивались. Толпы нищих бродили по стране. Только военные спекулянты наживались на общей беде. Кровавая комета войны летела вперед, а за ней хвостом тянулись разорение и нужда, страдания и смерть.

Между островом Зеландия, где находится Копенгаген, и изогнувшимся, как утиная шея, полуостровом Ютландия лежит зеленый остров Фюн. Если причалить к его берегам возле Ньюборга и отправиться на северо-восток через буковые леса и поля цветущего клевера, можно вскоре увидеть на горизонте высокий шпиль. Это церковь Св. Кнуда, возвышающаяся на холме главного города Фюна – Оденсе.

В 1811 году в Оденсе было около семи тысяч жителей. На Восточной и Западной улицах, в центре города, живописно располагались старинные особняки с тяжелыми резными дверями и широкими лестницами, украшенными каменными статуями. Здесь проводили зиму фюнские аристократы, на лето уезжавшие в свои усадьбы со столетними парками и прудами, где плавали важные тихие лебеди. Здесь же селились крупные чиновники Фюна и разбогатевшие купцы. Война почти не коснулась этих уютных кварталов, утопающих в зелени садов. Разве что офицерские мундиры чаще мелькали на улицах.

Большинство населения Оденсе ютилось в ветхих домиках окраин. Это были ремесленники и поденщики: портные и сапожники, штукатуры и землекопы, прачки и пряжи. На окраинах царил нужда. В богадельне при госпитале Серых братьев не хватало мест для нищих и больных стариков. Многие родители, отчаявшись свести концы с концами, отправляли своих детей просить милостыню. Многочисленные записи протоколов магистрата сухо повествовали об исковерканных человеческих судьбах, о маленьких бродягах, охотящихся за куском хлеба. Никакие комиссии помощи беднякам не могли справиться с растущим числом нуждающихся. Немало гостей повидала в эти годы оденсейская тюрьма, мрачное, похожее на тяжелый ящик здание у городских ворот. Каждый день приносил жителям окраин новые заботы.

– Все эта проклятая война! – говорили они со вздохом. – А тут еще комета появилась...

Мартовским вечером 1811 года целая толпа женщин собралась возле массивных стен церкви Св. Кнуда посмотреть на хвостатую звезду и обсудить ее появление. Все сходились на том, что добра от нее ждать не приходится.

– Знахарка Метта из Эйбю сказала, что конец мира недалек! – поделилась с соседками своими сведениями жена сапожника Андерсена Мария, немолодая, но крепкая женщина с блестящими темными глазами. – Бог, значит, разгневался на нас, вот и послал комету.

Прижавшийся к Марии худенький мальчик лет шести жадно слушал разговоры взрослых, со страхом поглядывая на небо: а вдруг вот сейчас комета упадет и с грохотом разобьется?

– Господи, ведь она только ударит своим хвостом – и конец! – ахали женщины. – Ведь хвост у нее не меньше как миль тридцать в длину будет!

– Да неужто так много? Я думала, мили три, не больше.

– Ну да! Она же далеко, а хвост вон какой огромный.

– И не тридцать и не три, а много миллионов миль, – вступил в разговор подошедший сапожник Андерсен.

К его сообщению многие отнеслись недоверчиво: этот Андерсен вечно что-нибудь такое выдумает! Всего-то-навсего холодный сапожник, а воображает себя умнее всех. Слышанное ли дело – миллионы, когда до Копенгагена только тридцать две мили!

– Ну, как там ни считай, а одно ясно: беда нам будет от этой кометы! – вздохнула соседка Андерсенов тетка Катрина.

– И не говорите! Всюду ведь недобрые приметы, – поддержала ее Мария. – Вот у нас недавно свеча горела-горела, да и согнулась прямо в сторону малыша... Прямо не знаю уж, чего теперь ждать.

Соседки качали головами: да, это уж хуже некуда. Значит, мальчик не жилец на свете.

– А ведь какой мальчик-то! Лучше его и не сыщешь! – продолжала Мария, напав на свою любимую тему. – Тихий, послушный, никаких с ним забот. Сидит себе, играет с веточками и листьями да шепчет что-то про себя. А уж до чего умен – это просто удивительно. Недавно взяли его в театр: хоть и мал, а все же ему радость! Ну, вошел он в зал, огляделся и говорит: вот если бы у нас было столько бочонков масла, сколько здесь людей, то-то бы я наелся! Это ж и взрослый такого не придумает... Я не хочу его хвалить при нем – это ему вредно, но только что правда, то правда. Ханс Кристиан – необыкновенный ребенок. Конечно, красотой он не вышел, но для мальчиков это и не важно.

И Мария ласково погладила своего любимца по длинным светлым волосам.

– Будет тебе, Мария, – остановил ее муж. – Всякой матери ее сын кажется лучшим... А что до кометы, так зря вы себе голову забиваете всякими страхами. Ничего плохого от нее не будет, пролетит мимо нас своей дорогой и скроется. Это ученые люди говорят, а не какие-нибудь старухи.

– Тебе, Ханс, только бы смеяться над всем, что другие говорят! – возмутилась Мария. – Дьявола ты тешишь своими разговорами, не к ночи он будь помянут.

– А может, он и дьявола не боится? – насмешливо предположила тетка Катрина.

– Зачем же я стану его бояться? – спокойно возразил сапожник. – Ведь зло есть только в сердцах людей, а дьявол – это пустые выдумки.

– Замолчи! Замолчи сейчас же!

Мария в ужасе сорвала с плеч шаль и набросила ее на голову сына, чтоб он не слушал этих кощунственных рассуждений.

– Погубишь ты нас всех! С дьяволом шутки плохи – рассердится да утащит к себе...

Под платком было душно, темно и страшно. Мальчик заплакал.

– Ну вот, довел ребенка до слез... Ничего, сыночек, отец просто пошутил, не бойся! – успокаивала его Мария, освобождая от платка.

– Пойдем-ка домой, малыш! – сказал сапожник. – Я тебе там новую игрушку смастерил.

Слезы сразу высохли, некрасивое лицо мальчика просияло и похорошело от улыбки.

Ухватив за руки отца и мать, Ханс Кристиан поспешил домой, на время забыв о хвостатой звезде и кознях дьявола.

Ханс Андерсен был плохим сапожником: душа у него не лежала к этому ремеслу. Его пальцы, так ловко мастерившие затейливые игрушки, точно наливались свинцом, когда им приходилось браться за шило и сапожный молоток.

Город Оденсе

В детстве он мечтал учиться, но средств не было. А его отец, сапожник Андерс, в довершение всех бед сошел с ума, когда мальчику еще не было десяти лет. Мать со вздохом отдала Ханса в ученики к знакомому мастеру. Она была тщеславна, любила утешаться сочиненными ею небылицами о былом богатстве и даже знатности их семьи и мечтала, что хоть сын ее выбьется в люди. Но для этого нужно было столько денег! А их еле хватало на хлеб. Так и остался Ханс Андерсен прикованным к сапожному верстаку. Сапожный цех не дал ему звания мастера, и в основном он пробавлялся мелкой починкой. С утра до ночи он гнул спину над рваными подметками, ловя скудный свет, падавший из маленького окошка. Чтобы было светлее, рядом стоял стеклянный шар с водой. И часто работа выпадала из рук сапожника. Он мечтал, и в светящейся стеклянной глубине возникали картины одна другой ярче и заманчивее. Вот он на борту большого корабля. Впереди далекие южные страны, о которых ему приходилось читать. Высокие пальмы, песок, медленно шагающие верблюды проплывали перед ним.

А вот шумные улицы большого города, где он никогда не бывал, и просторные светлые классы латинской школы, в которой ему не пришлось учиться...

Как-то к нему забежал гимназист с порванным сапогом. Пока шла починка, они разговорились, мальчик показал свои учебники, похвастался, что может даже по-латыни читать без запинки.

После его ухода Андерсен долго беспокойно бродил по комнате. Несколько раз он брал в руки очередную работу, но тут же раздраженно бросал ее обратно на верстак.

– Слушай, Ханс Кристиан, – сказал он подошедшему сыну, – когда ты вырастешь, будь упорным и настойчивым, не бойся нужды, отказывай себе во всем, но добейся одного: учись! Хоть бы тебе удалось пойти по этой дороге, раз уж у меня так не получилось...

– А что от этого бывает, когда человек учится? – спросил с интересом Ханс Кристиан.

– О, тогда человек может зажить счастливо! – уверенно ответил отец. – Ты подумай: ученые люди хорошо зарабатывают. Значит, можно покупать сколько хочешь интересных книг, каждый вечер ходить в театр, а потом отправиться в далекое путешествие, повидать чужие края...

– Ну и нечего забивать голову ребенку! – вмешалась подошедшая Мария. – Будто уж без учения нельзя хорошо прожить! Займется каким-нибудь ремеслом, будет сыт, одет – чего же ему еще? Он и то растет у нас прямо как графский сынок – ведь я его никогда не одену во что-нибудь рваное или грязное да и умыть хорошенько не позабуду. И в комнате всегда чисто и прибрано. А чистота – лучшая красота! Голодать ему тоже еще не приходилось. Разве я в его возрасте так жила? Меня отчим зимой выгонял на улицу просить милостыню в рваной шали да в старых деревянных башмаках. А не принесешь ничего, так побьет. Уж сколько раз я вечером сидела под мостом и плакала: страшно было идти домой с пустыми руками, а просить у людей – до смерти стыдно, да еще не всякий и даст...

– Все это верно, Мария, – задумчиво возразил сапожник, – но ведь мало человеку только быть сытым и одетым, душа тоже своего просит!

– Ну и этого тебе за глаза хватает! – решительно отрезала Мария. – Будто ты мало времени проводишь за своими книгами? Я ничего не говорю – зимним вечером приятно послушать, когда ты нам читаешь вслух что-нибудь занятное. Но когда ты сидишь один-одинехонек с книгой и громко смеешься, так мне просто страшно делается. Если это и есть пища для души, так ведь от такой пищи и свихнуться недолго! Нет, что уж нам жаловаться: живем не хуже людей, и слава богу!

Сапожник пожал плечами и молча взялся за молоток. Как все-таки по-разному устроены люди! – думал он. Вот Мария считает, что лучшей жизни и желать нечего. А ведь ей приходится целыми днями стоять по колено в холодной воде и стирать чужое белье, вечера она проводит за штопкой и починкой. За всю жизнь ей удалось сшить одно-единственное платье, которое считается нарядным: коричневое ситцевое с мелкими цветочками. Оно хранится в сундуке и надевается по праздникам. Голова у нее забита приметами и гаданьями: стоит лишний раз каркнуть ворону или завывать собаке – страху не оберешься... И все это она считает счастьем. Впрочем, и пастор говорит в том же роде: смиренным и терпеливым беднякам откроется царствие небесное... А что, если он, Ханс Андерсен, хочет получить свое здесь, на земле? Ведь он чувствует, что годится на большее, чем чинить рваные сапоги!

Неужели жизнь кончена в двадцать девять лет?

Андерсены жили на самой окраине Оденсе, возле реки. Неподалеку шумели колеса водяной мельницы, когда-то принадлежавшей монастырю, поэтому улицу так и называли: улица Монастырской мельницы. В маленьком домике ютилось шесть семейств. Сапожник с семьей занимал небольшую комнату, служившую и спальней, и столовой, и мастерской. Стараниями неутомимой Марии пол всегда был до блеска вымыт, а на окнах топорщились накрахмаленные занавески. Для пушей красоты она расставляла на высоком сундуке ярко разрисованные чашки

и блюда, которые Ханс Кристиан не уставал с восторгом разглядывать. Сапожник украсил комнату по-своему: над верстаком висела книжная полка с томиками сказок «Тысячи и одной ночи» и комедий знаменитого датского драматурга Гольберга, с песенником и двумя-тремя растрепанными, зачитанными чувствительными романами, – их любила Мария, а Хансу Кристиану больше всего нравились сказки. Наслушавшись отцовского чтения, он видел во сне чернооких красавиц, загадочно улыбавшихся из-под покрывала, страшных джиннов, роскошные сады с невиданными цветами.

– Если б у нас был хоть крохотный садик, мама, как бы это было чудесно! – вздыхал он, рассказывая матери эти сны.

– У нас же есть садик! – утешила его Мария. – Разве ты забыл про ящик с зеленью за чердачным окном? Правда, там растет только петрушка и лук, но я уж найду местечко и посажу для тебя цветочков поярче. Конечно, жили бы мы в деревне, там бы и розы можно было развести... Ты ведь помнишь, как мы чуть не поселились в графском имении? Что уж говорить о цветах – там бы у нас и корова была своя, молока и масла вдоволь. Да что ж поделаешь, видно, не судьба...

Мария вспоминала о том единственном случае, когда счастье, казалось, решило вернуться к неудачливому сапожнику. Летом 1810 года в оденсейской газете появилось объявление: граф Алефельт Лаурвиг ищет степенного, аккуратного и непьющего мастера, который мог бы шить обувь всей графской челяди и даже графской семье. Условия были заманчивые: кроме жалованья, сапожник получал домик на опушке графского леса, участок для огорода и лужок для скота.

Андерсен как за соломинку ухватился за эту возможность: он любил далекие прогулки, когда вокруг только небо и деревья, никто не докучает и можно спокойно помечтать, о чем хочешь. Живя в Оденсе, он мог отправляться в лес только по воскресеньям, да и то не всегда. Пусть же хоть что-нибудь в его жизни переменится к лучшему! Он немедленно отправился на Западную улицу, в графский особняк, и принес оттуда какой-то сверток.

– Это пробная работа: надо сшить бальные башмачки для самой графини! – объяснил он жене и сыну, осторожно разворачивая плотный блестящий кусок синего шелка. – Смотри, малыш, не возмись за него грязными руками, беда будет. В этом кусочке сидит наш домик в деревне, и земляника в лесу, и кукушка!

– Мама, это правда? – спросил восхищенный Ханс Кристиан.

– Правда, сыночек. Ты уж не мешай отцу работать, сиди тихонько да смотри.

Три дня Ханс Кристиан, затаив дыхание, следил, как отец осторожными движениями превращает кусок шелка в крохотные изящные башмачки, точно такие, какие должны быть у сказочной принцессы. Он нисколько не сомневался, что они понравятся какой хочешь графине, тем более она вовсе и не из сказки, а настоящая, с Западной улицы. Мария тоже верила в успех.

– И башмачки на славу, и подметки лучше не надо! – сказала она. – Недаром на кожу все наши деньги ушли. Да уж тут, конечно, нельзя иначе: графиня, не кто-нибудь. С богом, Ханс!

Она завернула башмачки в чистый носовой платок, поцеловала мужа и уселась на крыльце ожидать его возвращения. Ханс Кристиан пристроился возле нее. Около часа они провели за оживленным обсуждением планов деревенской жизни. Но, увидев бледное сумрачное лицо Андерсена с красными пятнами на щеках, оба поняли: ни домика, ни коровы, ни кукушки не будет.

Избалованная работой лучших копенгагенских мастеров, графиня не стала даже примерять изделие оденсейского сапожника. Еле взглянув на поднесенные ей башмачки, она процедила:

– Никуда не годится! Вы, любезный, лучше бы и не брались – только испортили зря мой шелк, а ведь он не из дешевых!

Кроткий сапожник вспыхнул от презрительного тона знатной дамы.

– Ну что ж, – сказал он, сдерживаясь, – если я загубил ваш шелк, то пусть пропадают и мои подметки – они тоже не из дешевых. Это будет справедливо!

И двумя взмахами острого сапожного ножа он разрезал на куски злополучные башмачки, в которые было вложено столько стараний и надежд.

Затем он молча повернулся и вышел, оставив графиню возмущаться дерзостью «этого мужлана».

Так и кончились мечты о деревне.

Мария по своему обыкновению нашла и в этом хорошую сторону.

– Не расстраивайся, Ханс, – сказала она, – всем известно, какие эти богачи капризные, на них не угодишь. Вот и у меня так: иная барыня начнет придирается и к тому, и к этому, а на самом-то деле белье как снег. И если б тебя взяли к графу, с каждым заказом было бы такое мученье. Ну их с их домиком, себе дороже! У нас и здесь хорошо, правда, сынок?

– Конечно, хорошо! – убежденно подтвердил Ханс Кристиан, считавший их комнату образцом комфорта и уюта. И, подумав, добавил: – А потом, когда я вырасту, я построю целый замок, и сад будет вокруг, как у советника Фальбе. И мы все будем там жить.

Мария, смеясь, обняла мальчика.

– Вот и ладно, сыночек.

И даже отец бледно улыбнулся.

– Да, видно, придется мне ждать твоего замка, малыш. Больше пока ничего не остается...

Прилетели аисты и принялись за поправку и отделку своих прошлогодних гнезд. Куст крыжовника во дворе покрылся крохотными сморщенными листочками. Не было сомнений, что в лесу уже полно нарядных белых ветрениц и желтых баранчиков, и в ближайшее воскресенье Ханс Кристиан с отцом отправились в лес.

Мальчик прыгал и скакал, убежал вперед, радуясь каждой встречной бабочке, потом вдруг вспоминал–, что ему недавно – 2 апреля – исполнилось целых шесть лет, и некоторое время чинно шел рядом с отцом, засыпая его градом вопросов.

Оторвавшись от своих мыслей, тот отвечал ему как мог. На каком языке разговаривают аисты? Надо думать, что на египетском. Зимой они проводят в жарких странах, возле пирамид, там они и научились говорить по-египетски. Далеко ли туда лететь? Ужас как далеко! Целое море надо пересечь, не отдыхая. Вот почему осенью аисты устраивают смотр на большом лугу у болота: надо проверить, достаточно ли птенцы упражняли крылья за лето, чтобы выдержать такой перелет. И если какой аист окажется слабым или больным, вожак убивает его своим крепким острым клювом.

– Ой, как это нехорошо! – возмутился Ханс Кристиан. – Лучше бы эти бедные аисты пришли к нам и прожили бы зиму у нас на чердаке, а я бы делился с ними едой.

– Вот вырастешь, научись говорить по-египетски и пригласи их к себе, – улыбнулся отец.

Они поднялись по вьющейся тропинке на вершину холма и остановились, чтобы взглянуть назад.

– Здесь когда-то был замок короля Одина, – сообщил отец. – Как-то раз королева выглянула утром в окно и увидела вдали крыши домов, которых раньше не было. Она крикнула: «Один, смотри!» Так и пошло название нашего города Оденсе.

– Это было в доброе старое время, да, отец? Когда мы с бабушкой смотрим на цеховые процессии со знаменами и на быка, которого водят под Новый год, она всегда вздыхает и говорит: а в доброе старое время все было еще лучше.

Отец нахмурился, собираясь с мыслями. Прямо говорить, что бабушка не права, он не хотел. Старушке нелегко живется, вот она и утешает себя мыслью, что когда-то давно было лучше. Но о «добром старом времени» у сапожника было свое мнение.

– А вот ты послушай, что я расскажу, – медленно начал он. – В это самое «доброе время» в тех местах, где я родился, жил один знатный господин – барон Эйлер из Сёнегора. Ему принадлежали и лес, и поле, и аисты, и вороны. Это бы еще ладно, но беда в том, что и все жившие там крестьяне тоже ему принадлежали. Они на него работали, а он тратил полученные денежки. Был у него конь, черный как уголь, и свора собак, вот он и носился по окрестностям Сёнегора, охотился за дичью. Конечно, если придется проехать по крестьянскому полю, сворачивать он не станет. А вот если кто из крестьян попадется ему на дороге и не успеет отбежать в сторону, сразу достанет хлыстом: по рукам, по лицу – по чему попало. Раз он так избил маленькую пастушку, что она упала замертво, еле-еле отходили ее потом... Зато уж собак он любил, ничего не скажешь! Когда заболела его любимая гончая, он приказал псаря посадить на деревянную кобылу за недосмотр. Что это за кобыла? А это такая штука, у многих помещиков во дворе она стояла. Если кто провинится, его сажают на седло – узенькую дощечку, а к ногам привязывают тяжелые камни, а то еще, чего доброго, будет ему слишком удобно сидеть. Потом, через несколько часов, снимут человека, а он и ступить не может. Многие оставались хромыми на всю жизнь... Так вот, барон Эйлер из Сёнегора не давал своей кобыле скучать без дела. А жена его – та была вроде добрей, но только она не вмешивалась ни во что, да он бы ее и не послушал... Вот тебе и доброе старое время!

До конца прогулки Ханс Кристиан шел молча, стараясь как-то соединить рассказы бабушки с услышанным от отца. Но все-таки ореол далеких прошлых времен сильно померк в его глазах.

Лето миновало, аисты улетели за море к пирамидам, а в опустевших полях завывала метель.

В эту зиму Ханс Кристиан меньше бывал с отцом: он ходил в школу. Она помещалась рядом, напротив мельницы, и попасть в класс было для него делом одной минуты. Даже руки не успевали озябнуть.

Когда мать привела его сюда в первый раз, он порядком трусил, потому что уже знал, что не всегда в школе бывает хорошо. Этот печальный опыт он приобрел, посещая маленькую частную школу для девочек, где старая вдова перчаточника с помощью прута учила читать по складам. Мария потребовала, чтобы она не была Ханса Кристиана, и некоторое время старуха крепилась. Но однажды, когда духота и гуденье голосов отвлекли мальчика от букваря, он сначала начал думать, на кого похожа старуха, и решил, что, пожалуй, на треску в чепце. Это прошло ему безнаказанно: не могла же она знать, о чем он думает! Но вот когда он задремал, она это сразу узнала, будто почувствовала, хотя сама спала, даже похрапывала за минуту перед тем. Она подкралась к нему с розгой – и вдруг его точно ожгло. Он вскочил, хлопая глазами спросонья. Вид у него, наверно, был смешной, потому что девочки робко захихикали. Но ему было не до того: ведь его ударили в первый раз в жизни (ну, отдельные шлепки от матери, конечно, не шли в счет)! Сжав губы, чтоб не заплакать, не унизиться перед старухой, он взял свой букварь и грифельную доску и вышел из комнаты. Только дома он дал волю слезам, и Мария, утешая его, обещала, что он больше не пойдет в эту школу.

– Думала я, что лучше тебе с девочками учиться, ведь ты такой смиренный! – сказала она. – Но выходит, что надо отвести тебя к господину Карстенсу. В городской школе для бедных сейчас мест нет.

Вспоминая злую старуху, Ханс Кристиан со страхом ждал знакомства с новым учителем. Но Карстенс оказался совсем еще молодым человеком с веселыми карими глазами и белозубой улыбкой. Он сразу взял новичка под свое покровительство: Ханс Кристиан был самым младшим среди мальчиков, учившихся в этой школе. На перемене Карстенс брал его за руку и гулял с ним по школьному двору, с интересом слушая оживленную болтовню мальчика. Вокруг с криками носились другие ученики: они предпочитали разговорам шумные игры.

– Тише, сорванцы, затолкаете малыша! – покрикивал иногда на них Карстенс, и они послушно разбегались. Карстенса любили и считали справедливым, поэтому положение его любимца не причиняло Хансу Кристиану неприятностей. Но все же пребывание в школе не обошлось для него без огорчений. Их принесла ему черноглазая Сара Хейман – единственная девочка в школе. Она была очень прилежна, хорошо считала, и на уроках арифметики Карстенс обычно ставил ее в пример. Это вызывало к ней уважение. Но, кроме того, Ханс Кристиан считал ее сказочной красавицей. Он старался отличиться перед Сарой на уроках чтения: здесь он больше всех знал, лучше всех умел читать стихи. Карстенс только диву давался, видя, как малыш все запоминает на лету. Другие мальчики ему завидовали. Но Сара осталась равнодушной. Однажды, когда они возвращались домой (он, конечно, давно прошел свой дом, но помалкивал об этом), она сказала, что считает стихи пустяками.

– Как, но ведь это же красиво! – робко возразил Ханс Кристиан.

Сара тряхнула кудрявой головкой.

– Вот еще! Разве нам, беднякам, есть время думать о красоте? Нам надо учиться тому, что полезно! – рассудительно сказала она. – Вот, например, арифметика. Если я буду очень хорошо считать, я смогу когда-нибудь стать экономкой на богатой ферме.

– Но это так скучно! – удивился мальчик, полагавший, что Сара должна стать по меньшей мере герцогиней, если уж не принцессой.

– Ну, а на что же больше может надеяться бедная девушка?

Тут Ханс Кристиан не выдержал.

– Ты можешь надеяться, что я тебя увезу в свой замок, когда вырасту! – великодушно пообещал он.

Сара широко раскрыла свои огромные черные глаза.

– Ты с ума сошел! Какой такой замок?

– Ну, очень просто, когда я вырасту, у меня будет замок. А почему бы и нет?

– Ох, какой ты глупый! – рассмеялась Сара. – Да потому, что ты сын сапожника, а замки бывают только у важных господ, у графов там каких-нибудь, например.

– А может, и я окажусь сыном графа? – смело предположил Ханс Кристиан, чтобы спасти положение.

– Что?!

– Да, да, это бывает, мне бабушка рассказывала! Их подкидывают – знатных детей, – и они вырастают в бедной семье, а потом родители их находят. Вдруг это и со мной будет? Вот тогда у меня и окажется чудесный замок. Ну, или еще каким-нибудь образом, не все ли равно! Вокруг будут расти розы и бузина, а я поеду тебя искать по белу свету в золотой карете и привезу к себе.

Но, вместо того чтобы обрадоваться, Сара посмотрела на него с каким-то странным выражением, а потом простилась и убежала.

На другой день, едва только Ханс Кристиан вбежал в школу, его больно дернул за волосы Оле из Виссенберга, сын мельника.

– Так ты, оказывается, графский сын? – закричал он. – Вот не знали! Добрый день, ваше сиятельство! Где же ваш прекрасный замок? – И он сделал Хансу Кристиану ужасную гримасу. Вокруг все захохотали. Огорченный Ханс Кристиан искал глазами Сару. Она смеялась вместе с другими, а встретив взгляд несчастного претендента на графский титул, передернула плечами и громко сказала своему соседу:

– Ясное дело, у него в голове не все в порядке. Наверно, и он будет сумасшедшим, как его дед.

Памятник Андерсену в Оденсе

Ханс Кристиан похолодел от ужаса, услышав эти слова. Он боялся своего деда и, завидев его худую долговязую фигуру, всегда старался убежать подальше. Правда, обычно старик вел себя очень тихо. Он сидел около огромной пузатой печки в своем крохотном домике и вырезал из дерева причудливые фигурки – зверей с крыльями, людей с птичьими головами. Набив ими полную корзину, он отправлялся бродить по окрестным деревням и раздавал фигурки ребятишкам, а крестьянки, жалея безобидного старика, совали ему в корзину лепешки и яйца. Но иногда на него находили приступы буйного веселья. Он украшал цветами и пестрыми тряпочками свою продавленную шляпу и истрепанный сюртук и, громко распевая что-то бессвязное, бежал по улицам Оденсе.

– Сумасшедший Андерс идет! – вопили мальчишки и бросали ему вслед комья грязи и камни.

И вот черноглазая Сара предсказала такую же страшную судьбу его внуку только за то, что он хотел подарить ей свой сказочный замок! Любовь Ханса Кристиана не выдержала этого жестокого испытания. Он пересел подальше от Сары и старался не смотреть на нее во время уроков. Сначала это было ужасно трудно, потом легче. А потом и Сара ему помогла: она уехала куда-то к родным, и больше он ее никогда не видел.

В мечтах Ханс Кристиан переделал и исправил всю эту историю: он спасал Сару из огня, и она благодарила его, жалея, что раньше смеялась над ним. Потом они играли в чудесном саду, рвали самые лучшие цветы и, сидя в беседке, рассматривали книги с красивыми картинками. Потом сама Сара оказывалась графской дочерью, и они уезжали вместе в далекие края.

Все это было очень утешительно. А с Оле из Виссенберга отношения наладились даже не в мечтах, а на самом деле.

Карстенс никогда не бил учеников. Но если кто-нибудь баловался, он применял очень действенную меру: озорник должен был стоять на столе лицом к классу. Самые стойкие через несколько минут сдавались под тяжестью позора. Попал однажды на стол и Оле. Постояв немного, он засопел и зашмыгал носом, бросая отчаянные взгляды на учителя. Но Карстенс

не обращал на него внимания. Хансу Кристиану так живо представился весь ужас положения Оле, что он расплакался еще раньше, чем наказанный, и стал упрашивать Карстенса простить его и отпустить на место.

– Ладно уж, слезай, – сказал Карстенс Оле, – да смотри сиди смиренно!

После этого случая Оле во всеуслышание объявил, что маленький Андерсен хоть и чудак, но все же славный парень и обижать его он никому не позволит.

Некоторое время все шло хорошо. Дети часто пели хором, и Карстенс хвалил высокий звонкий голос Ханса Кристиана. Не было у него соперников и в чтении, не говоря уже о декламации. Только письмо не давалось, и, глядя на его испещренные ошибками каракули, Карстенс вздыхал и качал головой.

– Ну, ничего, подрастешь – будет лучше получаться, – говорил он, замечая огорчение своего любимца.

Однако вскоре так удачно наладившаяся школьная жизнь Ханса Кристиана неожиданно оборвалась. Расходы Карстенса слишком выросли по сравнению с доходами. Ему пришлось закрыть школу и поступить на службу в почтовую контору.

Когда это стало известно дома у Ханса Кристиана, отец уныло покачал головой:

– Ну вот, и здесь неудача... А я-то радовался твоим успехам! Теперь придется тебе посидеть дома.

– Ничего страшного! – сказала Мария. – Он еще мал, впереди время есть. Пусть отдохнет от ученья.

Но отдохнуть было не очень-то весело. На дворе стояли морозы, без теплой одежды гулять и думать было нечего. Ханс Кристиан нагревал на печке медную монету и прикладывал ее к заледеневшему окошку. Через прозрачный кружочек видно были ярко-голубое небо, голые черные сучья тополя и нахохлившиеся воробьи. Они тоже ждали весны. Скоро ли она придет наконец? Отец был сумрачен и рассеян, он часами бродил по комнате и что-то шептал про себя. Работы почти не было – прямо будто люди перестали рвать обувь! Изредка забегал кто-нибудь с пустяковой починкой: зашить лопнувший шов, положить набойку. Но это давало всего несколько скиллингов. Мария со вздохом пересчитывала серебряные монетки и часть их прятала в сундук.

– Это для уплаты за квартиру, – объяснила она сыну, – а то хозяин рассердится и выгонит нас на улицу.

– Как же на улицу, когда холодно? – удивился Ханс Кристиан. – Разве хозяин такой злой человек?

– Злой не злой, а свои денежки не хочет терять... Ну, ничего, я как-нибудь наскребу, чтобы уплатить в срок. Ты об этом не заботься, сынок, играй себе спокойно.

Но игра не клеилась: старые игрушки надоели, а маленькую соседку Лисбету, которая так послушно участвовала во всех его затеях и всегда готова была представить себе, что кусочек дерева – это настоящий осел, везущий на мельницу мешки с мукой, которая никогда не смеялась над ним и охотно слушала придуманные им истории, ее бабушка увезла куда-то в деревню, – там легче будет прокормиться, сказала она, а то здесь и с голоду пропасть недолго...

Однажды отец вдруг уселся на верстак и стал строгать кусочки дерева. Он решил сделать кукольный театр, чтобы развлечь мальчика да и самому отдохнуть от тревожных мыслей.

– У нас будут и актеры, и сцена, и занавес! – сказал он Хансу Кристиану. – А ты попроси у матери и у бабушки ненужных лоскуточков и шей актерам костюмы. Мать научит тебя, как это делается.

Ханс Кристиан горячо взялся за шитье. Мария охотно поощряла увлечение мальчика: с малых лет научится держать в руках иголку, а там и пригодится. Выучится – станет мастером.

Постепенно деревянные актеры оделись в пестрые наряды, а если один рукав бывал короче другого, то ведь и у настоящих портных это случается! Зато у короля была настоящая

корона из сусального золота и деревянный меч, а для королевы бабушка пожертвовала свой лучший шелковый лоскуток, хранившийся с незапамятных времен.

Дни теперь проходили удивительно быстро. Отец брал с полки томик Гольберга, и они с Хансом Кристианом с увлечением разыгрывали в своем театре одну комедию за другой. Мальчик легко запоминал наизусть целые сцены и вскоре мог уже один говорить за всех действующих лиц. Это случалось, когда отец был не в духе и отказывался участвовать в игре.

Незаметно подошла весна. Поглощенный своим театром, Ханс Кристиан почти не замечал, как уменьшается число картофелин, оставляемых матерью на обед, как растут горы белья в ее корзине, как мрачнеет с каждым днем лицо отца.

Сведя дружбу с разносчиком театральных афиш Педером Юнкером, он получал от него чудесные шуршащие листы с яркими заманчивыми заглавиями.

«Абеллино, знаменитый бандит, представление в 5 актах», – с трепетом восторга читал Ханс Кристиан и старался представить себе потрясающие похождения этого таинственного злодея.

Бабушка брала его с собой в госпиталь, где она ухаживала за садиком старого привратника Гомара. Она уверяла всех, что Гомар не кто иной, как французский эмигрант, – вероятно, из знатного рода! – и иметь такого хозяина очень лестно. В свое время его даже приглашали в крестные отцы к Хансу Кристиану. Бабушка не уставала толковать внуку, что и их семья знала когда-то лучшие дни: у деда был и дом, и стадо, но только дом сгорел, а на скотину напал мор, вот он и обеднел. Ну, а о ее собственной родне и говорить нечего: она по благородству не уступит Гомару. Все погубила легкомысленная прапрабабушка: она безумно влюбилась в бедного актера и бежала с ним, а знатные родные тогда отреклись от нее. Ханс Кристиан свято верил этим рассказам, хотя в действительности легендарная прабабка была женой почтового кучера, а Гомар – отставным солдатом.

Впрочем, предполагаемая знатность не украшала Гомара в глазах мальчика. Старик был угрюм и сварлив. Сидя на лавочке у ворот госпиталя, он переругивался с проходящими старухами, подозревая их в том, что они крадут траву из сада. И Ханс Кристиан старался незаметно проскользнуть мимо сердитого крестного. Зато со старухами из богадельни при госпитале, сидевшими в большой комнате за прялками, он охотно проводил целые часы. Они терпеливо слушали все истории, которые он сочинял, все стихи и сцены из комедий, какие он помнил, и не уставали дивиться его необыкновенному уму: «Ну и голова же у этого мальчика! Наверно, он не заживется на этом свете...»

Когда он умолкал, они, в свою очередь, рассказывали ему чудесные сказки, и смешные, и страшные, а иногда пели старинные песни.

Высоко на гору взошла я,
В морскую даль гляжу, —

высоким дребезжащим голосом заводила одна из них.

И вот три рыцаря подплыли
К горе, где я сижу, —

подхватывала другая. Дальше в песне говорилось, что младший рыцарь подарил девушке колечко, а потом увез ее с собой, хотя у нее не было никакого приданого.

Это была хорошая песня, но чаще всего Ханс Кристиан просил старух спеть про красавицу Агнету, которую полюбил водяной: у него всегда сердце замирало, когда он слушал, как все это было. Агнета вышла на берег, а водяной ее спросил, хочет ли она жить у него на морском дне. И она согласилась – еще бы, это же так интересно. Но потом ей все-таки стало там

грустно, и она возвратилась на землю, а водяной и ее маленькие дети горько плакали без нее и упрашивали ее вернуться, но она ни за что не хотела.

Старухи говорили, что, может быть, Агнета все-таки вернулась: стоя у моря, можно услышать, как она играет на золотой арфе. Бабушка старой Иоганны даже своими ушами это слышала!

Вообще, в госпитале было хорошо: в садике, где хозяйничала бабушка, можно было валяться на охапках собранной травы, всюду бегать и даже нарвать себе букетик цветов. Кроме того, дома было голодно, а здесь его кормили, и даже скудный госпитальный обед казался ему роскошным.

Правда, один раз он натерпелся страху, пробравшись в отделение для буйных сумасшедших. Там сидела на соломе женщина с распущенными волосами, она чудесно пела, а потом вдруг дико закричала и протянула руку сквозь решетчатое окошечко, чтобы схватить мальчика. Прибежавший сторож вывел его, помертвевшего от ужаса, на двор и как следует разбранил, но это было лишнее: он и так ни за что на свете не пошел бы туда еще раз!

Как-то Ханс Кристиан вернулся домой с обычным букетиком и с чудесной палкой, которую дала ему бабушка. На конце этой палки дед вырезал лошадиную голову, и она была совершенно как живая, только не ржала, но уж это ничего не стоило себе вообразить. Дома никого не было: мать стирала на речке, а отец ушел неизвестно куда: последнее время это случалось часто.

Ханс Кристиан немедленно превратился в прекрасного рыцаря и, оседлав своего верного коня, отправился добывать клад, который стерег огненный дракон. Дракон жил в пещере, то есть в печке, мимо ее черного отверстия надо было тихонько прокрасться к сундуку, – понятно, что это был вовсе не сундук, а заколдованная гора, где хранится клад. Оставалось только узнать волшебное слово – и тогда сразу упадут замки и затворы, а смелый всадник получит кучу золота и серебра!

Но тут пришла мать, стала торопливо прибираться в комнате и выгнала рыцаря с его конем во двор. Они перекочевали в пустой торфяной сарай, и игра продолжалась. Много подвигов совершил рыцарь, а обедать мать все не звала. Тогда всадник решил вернуться из странствий, он затрубил в рог и торжественно въехал в отцовский замок... Палка с грохотом упала на землю, и Ханс Кристиан застыл на пороге.

Мама, веселая, никогда не унывающая мама, сидела, закрыв лицо передником, и плакала навзрыд, а бледный, взволнованный отец растерянно уговаривал ее:

– Ну успокойся, Мария, не плачь, пожалуйста, у меня и так, на душе не легко. Не могу я больше сидеть сложа руки и смотреть, как ты надрываешься, чтобы заработать пару скиллингов! И в долг нам больше не верят: пекарь Иоганнес сегодня сказал, что нынче все нороят взять без денег, а когда отдадут, неизвестно, этак ему и разориться недолго. А заказчики не идут, сама знаешь. Что же мне было делать? Я и завербовался. Подумай только: сказал одно слово – и получай денежки, тысячу триста ригсдалеров новенькими бумажками! Теперь я буду спокоен за вас. Так чего же ты плачешь?

Что такое? Отец и взаправду узнал заветное слово и получил клад? Но почему же тогда мама так убивается?

Ханс Кристиан тихонько подошел к матери и прижался к ней. Она отняла передник от заплаканного лица и обняла мальчика, причитая:

– Бедный ты мой, сокровище мое, ты и не знаешь, что с нами стряслось! Отец-то задумал нас бросить, он уходит солдатом на войну, может, мы и не увидим его больше...

И вдруг она с загоревшимися обидой глазами резко повернулась к мужу:

– Можешь мне не морочить голову, будто ты это сделал для нас! Я ведь тебя насквозь вижу, не такая уж я дура! Просто тебя тянет в чужие края, ты думаешь, что тебя там ждет

райская жизнь! Ведь ты всегда вздыхал: то тебе здесь слишком холодно, то дождь часто идет... Вот и затеял теперь все это, чтобы уехать.

Сапожник молча опустил голову. Он не умел лгать.

– Ну и уезжай! Отправляйся на все четыре стороны! – совсем разгорячилась Мария. – Посмотрим, каково тебе будет без нас. Не надо мне твоих денег, я и так сумею прокормить себя и мальчика. Конечно, я на целых одиннадцать лет старше тебя, вот ты и тяготишься мною!

– Мария, перестань! – строго сказал Андерсен. – Ты сама не веришь этой чепухе. Я тоже знаю тебя лучше, чем ты себя знаешь: у тебя сердце куда добрее, чем язык. Правда, что меня всегда тянуло куда-то далеко, но это вовсе не значит, что я не люблю тебя и малыша и что мне легко вас оставить... Но другого выхода у меня не было. Подумай только: я буду участвовать в сражениях, может быть, мне удастся отличиться, и я стану офицером! Ведь тогда вы ни в чем не будете нуждаться, и малыш сможет по-настоящему учиться!

– Ну да, где это видано, чтоб простой солдат вышел в офицеры! Все это для господ, а не для нас, – отмахнулась Мария.

Сапожник протянул руку к стене, где висел портрет человека в сером сюртуке и треуголке, с надменным энергичным лицом.

– Смотри! – сказал он торжественно. – Разве ты не знаешь, что Наполеон был когда-то просто бедным поручиком? А теперь он великий император, наш король подчиняется ему.

– Да мне-то какое до него дело? Он себе там как хочет, а ведь тебя могут убить на войне!

И Мария снова залилась слезами.

– Нет, мама, нет! – стал уговаривать ее Ханс Кристиан. – Этого не может быть, чтоб отца убили. Ты же сама всегда говоришь, что надо надеяться на бога и что слезами горю не поможешь!

– Верно, сыночек, – вздохнула Мария, стараясь успокоиться. – Видно, на роду мне так написано – вечно терпеть всякие беды... Ладно, Ханс, я уж постараюсь больше не плакать. Но только все-таки я скажу тебе в последний раз: губишь ты себя своими выдумками...

И, решительно вытерев глаза, она ушла на кухню готовить обед.

Богатый крестьянин из соседней деревни, сына которого должны были взять в солдаты, себя не помнил от радости, что так легко нашел заместителя. «Редко встретишь такого чудака, чтоб добровольно согласился идти под пули неизвестно зачем!» – думал он, выкладывая Хансу Андерсену обещанные деньги. Это мнение разделяли все, кто знал об отчаянном решении сапожника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.